

Толстой Л. Н.

Заявление об аресте Гусева

Толстой Л. Н. [Заявление об аресте Гусева] // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 38. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1936. С. 126–131.
1909 г.

Вчера в 10 часов вечера подъехали к нашему дому несколько человек в мундирах и потребовали к себе помощника в моих занятиях, Николая Николаевича Гусева.

Николай Николаевич сошел вниз к требовавшим его людям и, вернувшись от них, сообщил нам, что приехавшие были Исправник и Становой и что приехали они затем, чтобы сейчас же взять его и свезти в Крапивенскую тюрьму, а оттуда отправить в Чердынский уезд, Пермской губернии.

Известие это было так странно, что я, чтобы понять в чем дело, сошел вниз к приехавшим людям и попросил их объяснить мне причины этого их появления и требования.

Один из них, Исправник, в ответ на мой вопрос вынул из кармана небольшую бумагу и с торжественным благоговением прочел мне заключающееся в бумаге решение Министра Внутренних Дел о том, что для блага вверенного его попечению русского народа по 384 или еще какой-то статье (хотя казалось бы, что для того, чтобы делать то, что они делали, не нужно было ссылаться ни на какие статьи), Н. Н. Гусев должен быть за распространение революционных изданий взят под стражу и сослан по каким-то известным и понятным Министру Внутренних Дел соображениям именно в Чердынский уезд, Пермской губернии, и по тем же соображениям именно на 2 года.

Считая после выслушания содержания этой бумаги дальнейший разговор с исполнителем ее бесполезным, я пошел к себе, чтобы проститься с Николаем Николаевичем и принять от него все те дела, которыми он занимался, помогая мне в моих: работах. Здесь я нашел всех наших домашних и гостей в особенно возбужденном состоянии по случаю того, что так неожиданно обрушилось на любимого и уважаемого всеми Николая Николаевича Гусева.

Один только виновник этого возбуждения, сам Н. Н., был радостен и спокоен и со свойственной ему добротой и заботой о других, а не о себе, спешно приводил в порядок мои дела, так как сроку приготовиться к отъезду ему дано было не более получаса.

Все мы слышали и читали о тысячах и тысячах таких распоряжений и исполнений, но когда они совершаются над близкими нам людьми и на наших глазах, то они бывают особенно поразительны. И потому то, что случилось с Гусевым, особенно поразило меня: поразила меня и несообразность с личностью Гусева той жестокой и грубой меры,

которая была принята против него, поразила и явная несправедливость выставленных причин для ее применения и, главное, нецелесообразность этой меры, как по отношению к Гусеву, если он считается вредным человеком, так и еще более по отношению ко мне, против кого собственно и направлена была эта мера.

Несообразность того, чтобы неожиданно ночью схватить человека и тотчас же увезти его и бросить в тюрьму (а все знают, что такое теперь русские тюрьмы с своим переполнением), а потом по этапу отправить его под охраной часовых с заряженными ружьями за 2000 слишком верст в захолустье, отстоящее от города на 400 верст, несообразность такой меры по отношению к Гусеву была особенно поразительна.

Надо было видеть, как провожали Гусева и все наши домашние, и все случайно собравшиеся в этот вечер в нашем доме знакомые, знавшие Гусева. Одно у всех от старых до малых, до детей и прислуги, было одно чувство уважения и любви к этому человеку и более или менее сдерживаемое чувство негодования против виновников того, что совершалось над ним.

Прощаясь с Гусевым, я расплакался, но не от жалости к тому, что постигло Гусева, жалеть его я не мог, потому что знал, что он живет тою духовной жизнью, при которой никакие внешние воздействия не могут лишить человека его истинного блага, а расплакался от умиления при виде той твердости, доходившей до веселости, с которой он принимал то, что случилось с ним.

И этого-то человека, доброго, мягкого, правдивого, врага всякого насилия, желающего служить всем и ничего не требующего себе, этого человека хватают ночью, запирают в тифозную тюрьму и ссылают в какое-то только тем известное ссылающим его людям место, что оно считается ими самым неприятным для жизни.

Еще поразительнее был тот повод, по которому схвачен, посажен в тюрьму и должен быть сослан Гусев. Повод выставлен тот, что Гусев распространяет революционные книги. Но Гусев во все то время, два года, что жил со мною, не только не распространял никаких революционных книг, но никогда не имел и не читал их и всегда относился ко всем таким книгам отрицательно. Если же, исполняя мои поручения, посылал по почте и выдавал на руки какие-либо книги, то это были не революционные, а мои книги. Мои же книги могут казаться и дурными и неприятными людям, но ни в каком случае не могут быть названы революционными, так как в них самым определенным образом отрицается всякая революционная деятельность, вследствие чего книги эти всегда и осуждаются и осмеиваются всеми революционными органами. Так что обвинение Гусева в распространении революционных книг не только неверно, но не имеет подобия какого-либо основания.

Про нецелесообразность же ссылки Гусева по отношению к нему самому, если он считается вредным человеком, совестно и говорить, так как очевидно, что нет никакой причины, почему вредный человек станет менее вреден в Чердынском уезде, где некому следить за его деятельностью, чем в центре России, где он на виду у всех.

Казалось бы, напротив, что люди, вырванные из своей среды, лишенные заработка, озлобленные этим изгнанием и соединенные с такими же озлобленными другими сосланными, должны бы быть гораздо более вредны, чем когда они на месте. Но об этом никто не думает. Заведено и делается, а хорошо ли, дурно, полезно ли, вредно как для тех, над кем делаются эти дела, так и для общества, никто не думает. Люди служат, получают за это жалованье и делают то, что полагается делать. О том же, что может выйти из их деятельности, и справедлива ли она, от самых высших до самых низших никто не дает себе труда думать.

«Так полагается, и делаем. А если другой раз и ошибемся, то что же делать? У нас так много дела. Ошиблись, ну что же делать. Очень жаль».

Убили с горя мать, жену, продержали года в тюрьме, свели с ума, иногда даже казнили человека, развратили, погубили душу: «ну что же делать – ошиблись». В роде того, как наступили на ногу и извиняются: «Извините пожалуйста. Мы, право, нечаянно».

Вот это–то ужаснее всего. И после этого удивляться бомбам революционеров.

Нет, революционеры только понятливые ученики.

Так это по нецелесообразности и жестокости по отношению к Гусеву. Нецелесообразность же этой меры по отношению ко мне еще поразительнее.

Ведь дело все в том, что в числе всех зловредных элементов, которые нужно подавить, есть между прочим и Толстой с своей дурацкой проповедью какого–то выдуманного им христианства и бессмысленного непротивления. Вся эта его болтовня, разумеется, не имеет никакого серьезного значения, но она смущает людей, хотя бы солдат, своей проповедью о том, что сказано не убий, и разными какими–то рассуждениями о том, что земельная собственность незаконна и т. п. И потому надо во что бы то ни стало прекратить это. Самый простой способ был бы в том, чтобы судить Толстого, а то и просто, опять по тем особенным статьям, по которым мы поступаем теперь, посадить его в тюрьму лет на 5, там бы он и умер и перестал бы беспокоить нас. Это, разумеется, было бы самое удобное, но за границей, не зная всю пустоту его учения, как мы ее знаем, приписывают ему некоторое значение, и послать его, как Гусева, в тюрьму в Крапивну все–таки как–то неловко. И потому одно, что мы можем сделать, что и будем старательно и неуклонно делать, это то, что вредить и делать неприятности всем близким ему людям. Так что не мытьем, так катаньем все–таки заставим его замолчать.

Так должны были рассуждать люди, выславшие Черткова и ссылающие Гусева, потому что цель высылки Черткова и ссылки Гусева никак не могла быть в том, чтобы перенести вред, производимый Чертковым, из Тульской губернии в Московскую, а вред, производимый Гусевым в Крапивенском уезде, перевести в Чердынский уезд, цель могла быть и

была только одна та, чтобы уменьшить или вовсе уничтожить вред, производимый Толстым.

Вот тут-то особенно поразительна нецелесообразность употребляемых относительно меня мер. Нецелесообразны эти меры потому, во-первых, что, как бы ни смотрели люди на мои мысли, я считаю их истинными, нужными и, главное, считаю смысл моей жизни только в том, чтобы высказывать их, и потому, как я уже заявлял об этом, я, покуда буду жив, буду высказывать их, и удаление от меня Черткова и Гусева никак не может изменить этой моей деятельности. Как через Гусева (что поставлено ему в вину) я давал и посылал мои книги тем, кто хотел их иметь, так я буду и теперь точно так же давать и посылать их с помощью других лиц, десятки которых предлагают мне в этом свои услуги, или, если и всех этих лиц сошлют в Чердынь или еще куда, буду сам высылать и давать их тем, кто выразит желание иметь их. Не давать же их и не высылать моих книг тем, кто желает их иметь, я так же не могу, как не могу на словах не отвечать людям, спрашивающим меня о том, что я знаю.

Нецелесообразны эти меры еще и преимущественно потому, что избавиться от бомб и бомбометателей можно тем, чтобы отобрать бомбы и посадить бомбометателей в тюрьму или убить их, но с мыслями ничего этого нельзя сделать. Насилия же, которые делаются против мыслей и носителей их, не только не ослабляют, но всегда только усиливают их воздействие.

И потому, в чем и состоит главная цель этого моего заявления, я опять просил бы тех людей, которым неприятно распространение моих мыслей и моя деятельность, если они уже никак не могут оставаться спокойными и во что бы то ни стало хотят употреблять насильственные меры против кого-нибудь, то употребить их никак не против моих друзей, а против меня, единственного и главного виновника и появления и распространения этих неугодных им мыслей.

Все это я высказал по отношению к Гусеву и ко мне. Но дело, которое вызвало это мое заявление, имеет еще другое, более важное значение, относящееся не ко мне и Гусеву, а к тому душевному состоянию, в котором находятся люди, совершающие такие дела, как то, которое совершено над Гусевым.

Все мы знаем про то, что совершалось эти последние года и продолжает совершаться теперь в России. Про все это страшно и не хочется говорить. Как ни жалко всех тех погибших и погибающих и озлобляющихся людей в ссылках, тюрьмах, со злобой и ненавистью умирающих на виселицах, но нельзя не жалеть и тех несчастных, которые совершают такие дела, а главное предписывают их.

Ведь сколько бы ни уверяли себя эти люди, что они делают это для блага общего, сколько бы ни одобряли и ни восхваляли их за эти дела такие же, как они, люди, как бы ни старались они сами задурманить себя всякими заботами и увеселениями, они люди и большей частью добрые люди и чувствуют и знают в глубине души, что они поступают дурно, что, делая такие дела, губят то, что дороже всего на свете, свои души, захлопывают на себя дверь от всех истинных и лучших

радостей жизни.

И вот этим-то людям мне по случаю этого ничтожного для Гусева и для меня события хотелось сказать: подумайте о себе, о своей жизни, о том, на что вы тратите данные вам Богом духовные силы. Загляните себе в душу. Пожалейте себя.

6 Августа 09 г.

Примечания

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Секретарь Толстого Н. Н. Гусев был арестован в Ясной поляне 4 августа 1909 г. и выслан в Чердынский уезд Пермской губ. за «революционную пропаганду и распространение недозволенных книг» (см. Н. Н. Гусев «Из Ясной поляны в Чердынь», М. 1911). Под 5 августа в дневнике А. Б. Гольденвейзера («Вблизи Толстого», т. I, стр. 283) описана вся сцена ареста и поведения Толстого и сестры его М. Н. Толстой. К фразе: «Его [Толстого] мучило сознание, что Гусева ссылают за него, а его не трогают» Гольденвейзер делает примечание: «По поводу высылки Гусева Л. Н. написал на другой же день очень резкую небольшую статью, которую потом совершенно переделал, смягчив всё резкое. Хотя я разделял его мысль, что не нужно ни с кем и никогда быть обидно-резким, но всё-таки жаль было негодующего страстного тона первой редакции, в котором Л. Н. не имел себе равного».

В вариантах «Заявления» мы приводим именно те резкие места, которые в дальнейшем были смягчены.

Как видно по дате, поставленной Толстым под текстом автографа № 1, первая редакция была написана 5 августа 1910 г. Под этим числом в Дневнике Толстого записано: «Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и увезли его. Очень хороши были проводы: отношения всех к нему и его к нам. Было очень хорошо. Об этом нынче написал заявление». Переработка заявления была закончена 8 августа («О Гусеве – плохо, но пошлю»). 11 августа в Дневнике записано: «Утром получена телеграмма, что статья о Гусеве будет напечатана. Потом телеграмма от Matin о Гусеве же».

Заявление впервые появилось в газете «Русские ведомости» 1909, № 183 от 11 августа, с датой – «6 августа 1909 г.» В настоящем издании текст исправлен по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

В рукописном отделении ГТМ (АЧ, папка 120, 3) хранятся следующие рукописи «Заявления»:

№ 1. Первый автограф. 7 листов разного формата и качества (писчей и почтовой). Лл. 1–2 представляют первое начало статьи, потом измененное (см. л. 3).

Текст полный. Под текстом – дата рукой Толстого: «5 Авг. 1909».

Отсюда взят вариант № 1.

№ 2. Машинопись – копия с № 1. 8 листов писчей бумаги, из которых 5 листов 4°, остальные – срезки. Лл. 1–2 копия с лл. 1–2 автографа № 1. В тексте л. 1 многие резкие слова и выражения («ворвались», «скверную, лживую бумажонку» и пр. – см. вариант № 1) подчеркнуты карандашом, и всё начало отмечено к пропуску и заменено новым началом, написанным на отдельном листе. Начало: «Вчера (вечер) въ 10 часовъ вечера въ нашъ домъ»... Много изменений и исправлений. Текст неполный – многие листы перешли в следующую копию.

Отсюда берем вариант № 2.

№ 3. Машинопись – копия, составленная из листов, перешедших из копии № 2 и новых. 12 листов писчей бумаги (4° и срезки). Много новых изменений и вставок. Текст полный. Начало: «Вчера въ 10-ть часовъ вечера подъехали»...; конец: «... (нежелательныхъ для правительства послѣдствій)». На обложке рукой Толстого: Заявление объ аресте Гусева. 5 Авг. 1909. На внутренней стороне этой обложки находится машинописное окончание предыдущей копии статьи, зачеркнутое Толстым с его карандашными исправлениями и с машинописной датой: «5-го августа 1909 г. Ясная Поляна». Начало: «Опомнитесь, бросьте это ужасное дело»...; конец: «... а отъ своей совести никуда не уйдете».

Печатаем из этой рукописи вариант № 3.

№ 4. Машинописная копия с предыдущей рукописи. 17 лл. – 4° и срезки, из которых лл. 16 и 17 – новый автограф – вставка. Много новых изменений и исправлений. Текст полный. На последнем листе написаны два варианта окончания статьи. Первый вариант:

если они не хотятъ еще употреблять противъ меня ту радикальную меру, о которой я говорю выше, перестать употреблять противъ близкихъ мне людей те (нецелесообразныя) грубыя и жестокія меры, которыя (не только не достигаютъ своей цели, но напротивъ усиливаютъ то самое, что хотятъ уничтожить; они употребляютъ теперь.

Второй вариант:

если они ужь никакъ не могутъ оставаться спокойными и во что бы то ни стало хотятъ употреблять насильственные меры противъ <распро> виновниковъ распространения моихъ мыслей кого нибудь, то употребляютъ ихъ никакъ не противъ моихъ друзей, а противъ меня, единственнаго и главнаго виновника и появления и распространения этихъ неугодныхъ правительству мыслей.

На обложке рукой А. Л. Толстой: «Статья по поводу ареста Гусева. 7 августа 09 г.»

Извлекаем из этой рукописи вариант № 4.

№ 5. Машинопись – копия с № 4, 9 листов папиросной бумаги

(«ремингтон»), В тексте есть поправки» сделанные рукой Д. В. Никитина, очевидно перенесенные с другого экземпляра (оригинала), где они были сделаны Толстым. Полный текст. Заглавие – «Заявление об аресте Гусева». Под текстом дата рукой А. Л. Толстой (чернилами): «7 Августа 09 г» Цыфра 7 изменена карандашом на цыфру 6 и сделана подпись: «Лев Толстой».